

Феномен "аморального большинства" в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине^{1*}

Сущность социального феномена "аморального большинства" состоит в том, что моральные нормы человеческой порядочности и ответственности, регулирующие повседневное поведение людей, их взаимоотношения в различных ситуациях общения и деятельности, рассматриваются большинством взрослого населения Украины как нормы поведения "моральных аутсайдеров".

Вряд ли можно было ожидать, что постсоветская трансформация обойдется без серьезных последствий для нормативной системы, в том числе и норм морали. Это следовало из социологической теории аномии, созданной Э.Дюркгеймом и Р.Мертном^{2*}: любое изменение социальной ситуации, связанное с социальной реорганизацией, неизбежно вызывает аномические реакции в обществе. Однако показатель распространенности аномической деморализованности в первый же год независимого существования Украины превзошел все самые пессимистические ожидания.

Как показали репрезентативные для взрослого населения Украины опросы, более 80% населения были подвержены состоянию аномической деморализованности^{3*}. Из той же теории следует, что состояние всеобщей аномии не может длиться неопределенно долго, на смену социальной дезориентации приходят нормативные и ненормативные реакции на аномию^{4*}. Такого рода реакции наблюдались уже на первом этапе постсоветских трансформаций в исследованиях, проведенных с применением шкал социального цинизма и авторитаризма. В дальнейшем показатель распространенности аномической деморализованности и нормативных реакций на нее, связанных с поиском надежной нормативной опоры в ситуации безнормности и беззакония, существенно не изменился. Об этом свидетельствуют данные мониторинговых опросов, проведенных в 1992 и 2000 гг. (табл. 1).

В 1990-е годы заметно повысился уровень социального цинизма как ненормативной реакции на аномию, тогда как показатель авторитаризма (нормативная реакция) остался практически неизменным. Это свидетельствует прежде всего о том, что аномическая деморализация приводит к последовательному разрушению моральных основ регуляции социального поведения. С одной стороны, это свое-

1* Эмпирической базой исследования данного феномена являются результаты мониторинга Института социологии НАН Украины (1992-2002 гг.) в сравнении с соответствующими данными репрезентативного для населения УССР опроса, проведенного в 1982 г. в рамках всесоюзного опроса "Образ жизни советского человека" (руководитель проекта — Ю.Левыкин). В рамках последнего проекта в Украине были опрошены 5 тыс. респондентов (руководитель — Л.В.Сохань). Ряд вопросов, касающихся представлений людей о нормах социального поведения, из анкеты 1982 г. были полностью воспроизведены в мониторинговом опросе 2002 г.

2* См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. М.: Мысль, 1994. С. 223-262; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура (фрагменты). Киев: Абрис, 1996. С. 81-108.

3* См.: Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994. С. 100.

4* Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Человек и общество: Хрестоматия. Киев: ИС НАНУ, 1999. С. 134; Патна Н.В. Аномія // Енциклопедія сучасної України. Київ: НАН України, 2001. Т. 1. С. 531.

Индексы аномии, авторитаризма и социального цинизма в опросах населения Украины 1992 и 2000 гг.

Показатель	1992 г. (N=1752 человек)		2000 г. (N=1810 человек)	
	Индекс	Стандартное отклонение	Индекс	Стандартное отклонение
Индекс аномии (сумма баллов по шкале (0-18))	13,59	3,82	13,77	3,67
Индекс авторитаризма (сумма баллов по шкале (0-14))	8,58	2,73	8,69	2,67
Индекс социального цинизма (сумма баллов по шкале (0-14))	8,81*	3,88	10,00*	3,27

* Различия данных по строке статистически значимы на уровне 1%.

Примечание. Классические методики измерения уровня аномии, авторитаризма и социального цинизма адаптированы и опробованы в исследованиях Н.Паниной.

образная предохранительная реакция для общества, которому в условиях длительного социально-экономического кризиса угрожают системные нормативные реакции, связанные с реставрацией тоталитарной системы или с поиском авторитарного лидера, способного восстановить социальный порядок "железной рукой". Рост циничного отношения к социальной действительности в этом смысле можно рассматривать как антиреставрационную и по своему антиавторитарную тенденцию. Отрицание традиционных моральных устоев, свойственное цинику, в какой-то мере защищает его от политического мессианства и наивной веры в простые рецепты восстановления социального порядка. Однако циничная социальная позиция, защищая человека от слепого фанатизма, в конечном счете превращает его в изолированного индивида, утрачивающего способность к коллективному сопротивлению тем социальным силам, которые грубо попирают его собственные права и интересы. Основное последствие распространения в обществе социального цинизма — разрушение основ социального доверия, уважения и ответственности за свои поступки перед другими людьми. По сути, это означает разрушение социального капитала, являющегося решающим фактором роста общественного благосостояния и перспективы устойчивого развития социума^{1*}. Да и о каком социальном капитале можно говорить в государстве, большинство граждан которого склонны открыто соглашаться с суждениями, характеризующими большинство людей как бесчестных, не порядочных и не заслуживающих доверия. Именно такие суждения используются при конструировании методики измерения уровня социального цинизма. В таблице 2 представлен удельный вес граждан Украины, готовых согласиться со справедливостью такого рода суждений, связанных с оценкой моральных качеств большинства людей.

Нетрудно заметить, что для большинства взрослого населения Украины характерна позиция недоверия к людям, подозрения в нечестности и способности лгать

1* Putnam R.D. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. N.Y.: A Touchstone Book, 2001; Fukuyama F. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N.Y.: Free Press, 1996.

**Доля граждан Украины, согласных с суждениями, используемыми
в методике измерения социального цинизма в опросах 1992 и 2000 гг.
(в % от общего числа опрошенных в соответствующих годах)**

Суждения	1992 г.	2000 г.
Никому не доверять — самое безопасное	46,7	52,0*
Думаю, большинство людей готовы пойти на нечестный поступок ради выгоды	58,8	70,8**
Я считаю, что большинство людей способны солгать, чтобы продвинуться по службе	60,6	80,4***
Большинство людей честны лишь потому, что боятся, что на обмане они попадутся	43,0	48,8*

Различия данных по строке статистически значимы: * на уровне 5%, ** 1%, *** 0,1%.

**Распределение ответов респондентов, участвовавших в общеукраинских опросах 1982 и 2002 гг., на вопросы
о степени распространенности некоторых социально-нравственных качеств среди окружающих их людей
(в % от общего числа ответивших)**

Как Вы считаете, многие ли среди людей, которых Вы встречаете в своей жизни...	Почти все	Большинство	Меньшинство	Очень мало
<i>Проявляют инициативу в работе, в жизни общества</i>				
1982 г.	10	62	22	6
2002 г.	6	30	37	27
<i>Отзывчивые, всегда готовы прийти на помощь</i>				
1982 г.	18	65	14	3
2002 г.	6	30	35	29
<i>Не пройдут мимо нарушений общественного порядка</i>				
1982 г.	9	52	29	10
2002 г.	4	16	40	40
<i>Осуждают взятки, подношения</i>				
1982 г.	24	48	15	13
2002 г.	15	33	30	22
<i>Заняты только собой, личным благосостоянием</i>				
1982 г.	3	17	44	36
2002 г.	20	45	20	15
<i>Интересуются в основном приобретением вещей</i>				
1982 г.	8	33	37	22
2002 г.	15	45	25	15
<i>Считают, что успеха, благополучия в жизни можно добиться честным трудом</i>				
1982 г.	31	56	9	4
2002 г.	7	25	37	31

ради выгоды. И здесь не столь важно, что суждения эти преимущественно являются не самоотчетом, а характеристикой большинства окружающих. Оценка большинством большинства, по сути, означает общественную самооценку. И эта самооценка является свидетельством формирования в Украине феномена "аморального большинства". Причем за 1990-е годы это большинство явно окрепло и близко к тому, чтобы стать "квалифицированным большинством", способным совершить "моральную революцию", сотворив общественное устройство, в котором честность и порядочность перестанут восприниматься в качестве нравственных ориентиров социального поведения. Осталось только "дождаться" появления откровенно циничного харизматического лидера, способного конвертировать массовое пренебрежение к моральным нормам в новый социальный порядок, конституированный на отрицании общечеловеческой морали. Печальных примеров такого

рода "революций", основанных на принципах "новой морали" (классовой, национальной, этатистской и т.п.), в прошлом столетии было более чем достаточно для того, чтобы со всей серьезностью относиться к проявлениям откровенного цинизма, который обнаруживают в последние годы многие политические лидеры Украины. И хотя среди них пока не замечены яркие харизматики, способные умело интегрировать личное пренебрежение к общечеловеческой морали и ожидания "аморального большинства", угроза появления доморожденного "фюрера" остается вполне реальной до тех пор, пока в обществе будет сохраняться атмосфера взаимного недоверия, подозрения в лживости и способности ради выгоды пойти на нечестный поступок.

Собственно, одну "моральную революцию" мы уже пережили, когда вместе с советским обществом похоронили и присущую ему "двойную мораль". О "двойной морали"

советского общества было много сказано в годы, когда происходила ломка социальных устоев "развитого социализма", и большинство людей с надеждой ожидали перемен, связанных с отказом от тоталитарных принципов организации политической, экономической и духовной жизни. Накануне "перестройки" конфликт между большинством населения (для которого элементарные нормы общечеловеческой морали — честный труд, порядочность, ответственность за себя и своих близких и т.п. — были достаточно близки и понятны как правила повседневной жизни) и правящей верхушкой, навязывавшей "классовую мораль" в политике, управлении экономикой и культурой, приобрел в обществе такой размах, что любая "непубличная похвала" в адрес советской власти рассматривалась "микрообщественным мнением" как социальная аномалия, столь же выраженная, что и ее публичная критика. Казалось, непримиримый конфликт двух моральных систем должен закончиться победой одной из них. А поскольку "классовая мораль" не могла существовать без господствующей коммунистической идеологии, то естественным результатом постсоветских преобразований должно было стать расширение сфер действия и усиления регулятивной роли норм общечеловеческой морали. Однако "мертвые хватают живых", и агония официальной составляющей двойной морали повлекла за собой столь бурные социальные изменения, что не устояли и нормы повседневной жизни. Об этом убедительно свидетельствует сравнительный анализ данных, полученных в репрезентативных для взрослого населения опросах 1982 и 2002 гг. (табл. 3).

Вопросы, составленные социологами ИСИ АН СССР для анкеты всесоюзного опроса "Образ жизни советского человека", касались ряда моральных норм, регулирующих социальное поведение и взаимоотношения людей в повседневной жизни. Полученные в то время результаты, отражавшие устойчивое представление большинства "простых советских людей" о своем собственном (как большинства) высоком моральном уровне, воспринимались как вполне естественное состояние общественной морали. Тот факт, что большинство в 1982 г. оказалось "инициативным", "отзывчивым", "неравнодушным", "занятым не только собой", оценивался в контексте сохранения той общечеловеческой составляющей "двойной морали", без которой общество просто не могло бы стабильно функционировать. Тогда трудно было представить себе общество, в котором большинство людей считали бы, что успеха, благополучия в жизни нельзя добиться честным трудом. Скорее казалось удивительным, что около трети респондентов не верили в "честный труд" как путь к успеху и благополучию.

Судя по данным, представленным в таблице 3, за последние 20 лет бархатная "моральная революция" в постсоветском обществе свершилась. О ней, в отличие от Октябрьской, большевики не говорили, но всем своим историческим опытом поспособствовали формированию феномена "аморального большинства" в период постсоветской трансформации. Во-первых, они вырастили значительную и беспринципную политическую элиту, воспользовавшуюся плодами "перестройки" и капиталистической трансформации для безудержного и безнравственного передела государственной собственности в свою пользу. Во-вторых, они приучили большинство людей к мысли, что сфера применения моральных норм — это исключительно повседневная жизнь, тогда как в политике, управлении экономикой и культурой мораль подменяется тотальным контролем за инакомыслием. И когда политика и "большая экономика" стали бесцеремонно вторгаться в повседневную жизнь людей, разрушая устоявшиеся

традиции микропорядочности, массовые нравственные реакции оказались столь масштабными, что сегодня не более трети населения Украины считают, что большинство людей способны проявлять отзывчивость, честным путем добиваться благополучия, осуждать взятки и думать еще о чем-нибудь, кроме личного благополучия.

Чем же может обернуться для Украины феномен "аморального большинства"? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, как долго само большинство рассчитывает жить в тех условиях, в каких оно пребывает последнее десятилетие. Надеяться на мудрую власть, которая решительно положит конец экономической и политической нестабильности, по меньшей мере, наивно. И не потому, что народные избранники не хотят улучшить ситуацию в обществе. Они сами являются избранниками большинства, которое, по собственному убеждению, не придерживается элементарных норм морали, в том числе и при выборе правителей. В результате аморальное большинство выбирает аморальные формы правления и соответствующих субъектов.

Власть, способная руководствоваться не только узкими или корыстными интересами, может быть избрана и в нашей стране, но только не тем большинством, которое никому не доверяет и не видит возможности достигнуть успеха в жизни честным трудом. Перспектива появления нового большинства выглядит не очень обнадеживающей, если учесть, что представления об аморальном большинстве в равной мере распространены во всех возрастных группах, и молодежь не менее категорична в своих суждениях, чем выдавшие виды ветераны. Оценки граждан Украины своего морального облика не зависят даже от уровня образования и рода занятий. А это значит, что надежда на новое и более образованное поколение в данном случае эфемерна.

Трудно надеяться и на то, что состояние тотальной анонимии, спровоцированное постсоветской трансформацией, окажется недолговечным феноменом. Если за последнее десятилетие ничего не изменилось, то вполне можно ожидать массовой аномической деморализации и в весьма отдаленном будущем. Возможно, украинское общество явит миру пример, как можно неопределенно долго сохранять относительную социально-политическую стабильность в стране, где большинство населения деморализовано и "аморализовано", и посрамит мнение теоретиков, утверждающих, что неизбежен "нормативный взрыв", связанный с социальными потрясениями и авторитарным правлением. Но в этом случае неизбежен длительный конфликт между потребностью людей в авторитетном институте общественной морали и откровенным пренебрежением к нему со стороны "аморального большинства".

Есть ли основания надеяться, что в результате решения этого конфликта нравственные устои общества могут укрепиться? Думаю, что надежды эти могут быть связаны с сохраняющимся массовым представлением о ценности профессионализма. По крайней мере, около двух третей граждан Украины считают, что большинство людей, которых они постоянно встречают в своей жизни, ценят высокий профессионализм. Общество, сохраняющее профессиональные ценности, вполне жизнеспособно. В нем могут найти адекватные социальные позиции те люди, чей профессионализм необходим для преодоления кризисных явлений периода социальных трансформаций. А следовательно, перспектива общества связана прежде всего с подготовкой "критической массы" современных профессионалов в различных сферах общественной жизни и в первую очередь в сфере управления экономикой и государством.